

Золушки легкого поведения

Новая версия балета Прокофьева в Большом

Космическая - 2009 - 4 февр. - 0.8

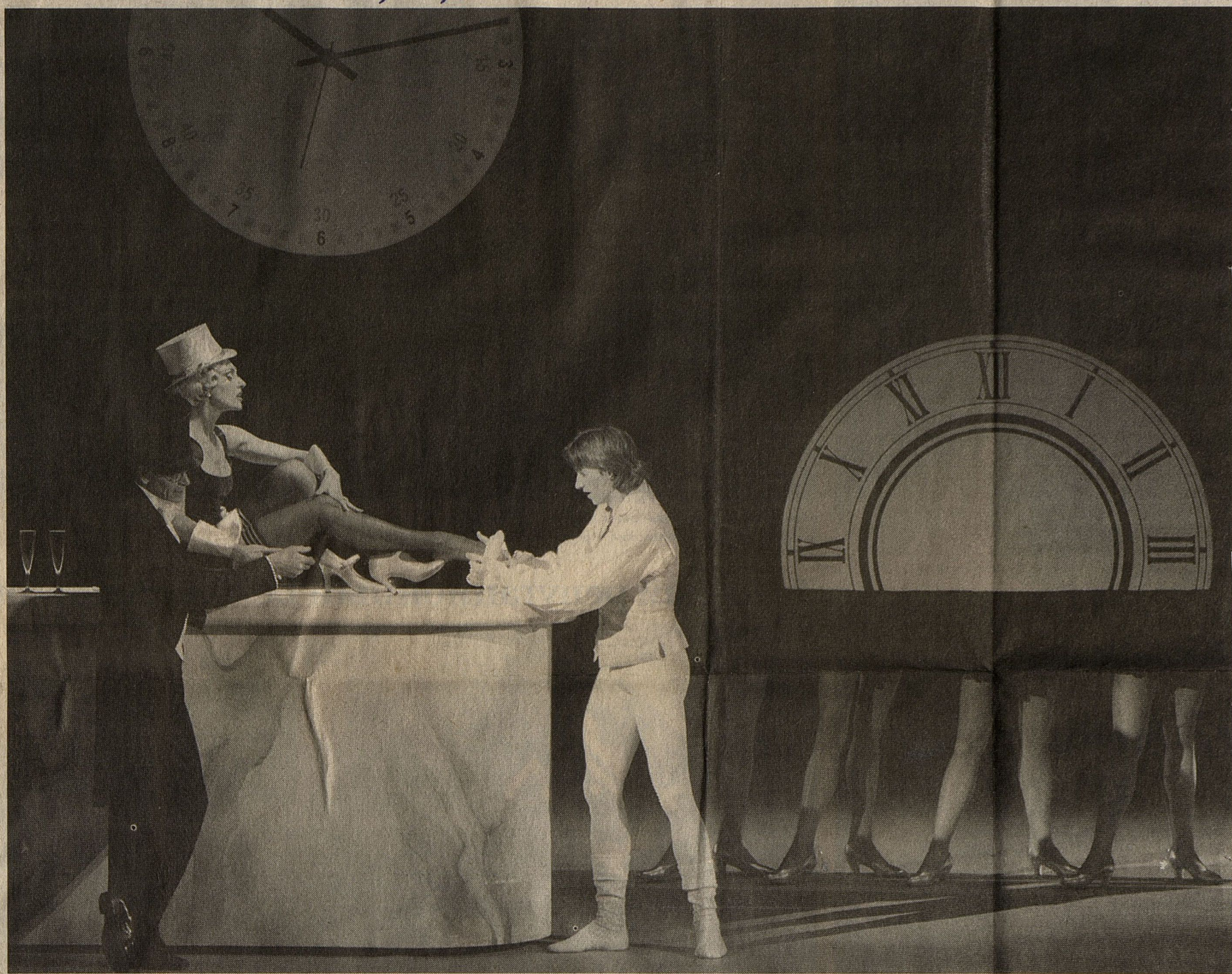
Большой театр выпустил самый амбициозный балетный проект сезона — трехактную «Золушку» в постановке хореографа Юрия Посохова и режиссера Юрия Борисова. ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА убедилась, что на бал было ездить незачем.

Худрук балета Большого Алексей Ратманский совсем недавно сам ставил «Золушку» в Мариинском театре, однако для Москвы подыскал другого хореографа — 41-летнего Юрия Посохова, тринадцать лет назад поменявшего премьерство в Большом на аналогичное положение в труппе Балета Сан-Франциско. Русский хореограф, обтесанный передовым западным искусством, был призван в свою очередь стесать налет провинциальности с современного отечественного балета.

В идеях у соавторов «Золушки» недостатка не было: содержательный буклет подробно излагает извилистый ход их мыслей. Балет решено было трактовать как исповедь Прокофьева, основываясь на его признании «Золушка — это моя Лина (жена композитора, угодившая в сталинские лагеря. — „Ъ“) и его же дневниковых притчах об «ультрафиолетовом Времени и инфракрасном Пространстве». Пометавшись между политической конкретностью и метафизичностью космогонии, режиссер и хореограф приняли соломоново решение: не мудрствуя лукаво, превратили Сергея Сергеевича в Сказочника, поселили его на пустынной планете и окружили дружественными воронами (привет от Сент-Экзюпери и худфильма «Снежная королева»).

Художник по костюмам американка Сандра Вудл обеспечила сходство Сказочника с Прокофьевым, наделив его горчичными брюками, шарфиком и очками, а остальных персонажей одела элегантно, но вполне традиционно. Светское общество она поместила в 20-е годы XX века (фраки мужчин, стрижки каре и заниженные талии у дам), сестер Золушки расфуфырила, как тружениц богатого публичного дома XIX столетия, Принца облачила во вневременной белый мундир с орденской лентой; а танцующие предметы быта заковала в прозрачный пластик. Несмотря на передовой дизайн, они живо напомнили корреспонденту „Ъ“ те чашки и чайники, которые она изображала в школьном балете «Балда».

Только художник-постановщик Ханс Дитер Шааль, по образованию архитектор и философ, остался верен глобальному замыслу. Он выкатил на сцену мертвенно-голубой шар Луны, спроецировал на звездный задник часть его ноздреватой поверхности, заполнил сцену ги-

Если бы не размер ноги, Принц (Сергей Филин) охотно принял бы Голубого ангела (Анна Антропова) за свою Золушку ФОТО ДАМИРА ЮСУПОВА/БОЛЬШОЙ ТЕАТР

гантскими круглыми часами (иные вовсе без стрелок). Придворный мир успеха он обозначил широкой белой лестницей. Крах дворцовой мечты — исполинской черной рамой — может, окна, а может, тюремной решетки. Прочую реальность — вроде inferнальной сизой кухни Золушки, подернутой то ли пеплом, то ли инеем, или зеркального репетиционного зала, или гиперреалистичных календарных слайдов с временами года — сценограф упрятал в огромные черные шкафы-комнаты, выползающие из-за кулис и распахивающие створки по мере необходимости.

В тисках этих метафор, упакованных по правилам мирового дизайнерского искусства, скромно копошилась отечественная режиссерская и хореографическая мысль. Из сценического действия вытекло следующее: некая решительная девица, живущая на Луне со стареющим «папиком» (в костюме

Прокофьева), постоянно перебирающим в руках кипу листочков формата А4 (видимо, партитуры), прочитала одну из этих бумажек, воодушевилась и упростила старикана обеспечить ей будущее. Композитор-отец фея в одном лице как-то буднично отправляет ее в шкаф, за которым и открывается сказка.

Причем совершенно традиционная сказка: взявшись за дело, создатели напрочь забыли о своих декларациях. Например, об обещанном глубинном прочтении музыки. Господин Посохов не заполнил даже те бездны, которые у всех на слуху: стертая хореография напрочь игнорировала все тревожные и трагичные музыкальные темы. Великолепная сюита «времен года», одевающая Золушку своими дарами, выглядела набором жиденьких вариаций, в котором мощную Осень не отличить от беззаботной Весны. На грозную тему часов Золушка и фея-Прокофьев перекатывали

друг другу бутафорскую тыкву на колесиках, внутри которой спрятан циферблат. Грандиозный придворный вальс наглухо завяз в неподвижности: придворные во главе с Золушкой и Принцем протанцовывали свои стандартные комбинации, стоя на месте и не нарушая стройных шеренг.

Однако несправедливо было бы не отметить и находки спектакля. В первом действии — балетный класс, который дает толстухам сестрам (в этих ролях неподражаемы некондиционные, но жизнерадостные артистки Анастасия Винокур и Лола Кочеткова) заведующий балетной труппой Большого Геннадий Янин — изящный остроумец и блистательный танцовщик. Любопытно задуманы и поиски Принца: на своем пути он встречает состоявшихся «золушек», прототипами которых послужили Марлен Дитрих и Мария Каллас. С воплощением же этого замысла вышла осечка:

вместо Марлен Дитрих на сцене оказалась ее Лола из «Голубого ангела», и выглядела она отнюдь не роковой хищницей, а вульгарной проституткой. Появившиеся из-за приподнятого занавеса пикантные ножки ее товаров подали было некоторую фривольную надежду, но так и не заработали в полную силу. Легендарная же дива, почему-то водруженная на рояль, забавно разевала рот и манипулировала змеиными руками, однако в действие так и не включилась — башмак мерить отказалась. Конное путешествие принца и его друзей вообще отдавало двусмысленностью: отношения всадников с голоногими развратными лошадками были столь интенсивны, что в дом мачехи вся компания мужчин ввалилась в крайнем изнеможении.

Многочисленные вариации и адажио Золушки и Принца, даже отлично исполненные Светланой Захаровой и Сергеем Фи-

линым, все равно предстали набором общих мест, выпадающих из памяти сразу после просмотра. Смутно вспоминаются па мазурки, перекидные, jete en tournant, туры в воздухе, пируэты и бесчисленные арабески — с отяжкой наподобие фигурного тодеса, с проездом взад и вперед, с опусканием на пол и вздыманием в небеса. Для актуализации этих банальностей авторы предприняли два шага: позволили Золушке и Принцу поцеловаться в засос на балу и уложили их спать на авансцену после финального адажио. Принцу, правда, пришлось проснуться, (потому что музыка все не кончалась) и, потанцевав среди положительных воронов, унести свою возлюбленную за кулисы в неведомую галактику. А Сказочник-Прокофьев, обеспечив будущее своей протее, сконфуженно заполз в дыру на планете, как червяк в тыкву. Действительно, как-то неудобно получилось.